

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7443

УДК 821.161.1.09"18"

Е. А. Масолова*Новосибирский государственный технический университет**(Новосибирск, Российская Федерация)*

masolova@list.ru

Семантика времен года в романе Л. Толстого «Воскресение»

Аннотация. Статья посвящена выявлению семантики природного календаря в «Воскресении» Л. Толстого. Рассмотрев события, происходившие с персонажами романа на протяжении 15 лет их жизни, мы пришли к выводу, что изображенные в «Воскресении» времена года связаны с воссозданием неуклонного движения человечества к Богу. Описание весны в начале романа — притчеобразный пролог, утверждающий идею грядущего духовного воскресения человечества. Весной 29-летний Нехлюдов решил искупить свою вину перед Масловой; вспомнив весну своей юности, он осознал социальное неблагополучие и потребность обрести утраченную гармонию с миром и отказался от земельной собственности. Студент Нехлюдов видел в летней природе источник вдохновения. Летом, сопровождая арестантов на каторгу, герой понял корни социального зла; летом арестантка Маслова вернулась к своему исконно чистому я. Духовная весна Нехлюдова происходит календарной весной, а духовное воскресение — осенью; духовная весна Масловой совпадает с календарным летом. Осенью, читая Евангелие, герой приходит к принятию христианства. В финале романа ранняя зима «торопит» обновление земли; преобразование Нехлюдова предопределено изменениями в природе и открывшейся человеку непреложной правотой Слова Божьего. В «Воскресении» времена года становятся маркерами бытийного времени и обретают онтологическое значение: весна символизирует грядущее нравственное преобразование человечества; лето является символом жизни; осень «усиливает» религиозные искания Нехлюдова, «убеждая» в необходимости строить жизнь по заветам Бога; зима — очищающий, подготовительный период, предшествующий духовному преобразению людей. Эпичность толстовского повествования возникает за счет соотносительности природного календаря с семантикой времен года, сложившейся в древнерусской литературе. Роман «Воскресение» — произведение христианского реализма, продолжающее традиции святоотеческой литературы.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман «Воскресение», времена года, преобразование, воскресение, бытийное время, онтологическая семантика, древнерусская литература, христианский реализм

Об авторе: *Масолова Елена Александровна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет (пр. Карла Маркса, 20, г. Новосибирск, Российская Федерация, 630073)

Дата поступления: 27.01.2020

Дата публикации: 30.10.2020

Для цитирования: Масолова Е. А. Семантика времен года в романе Л. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 229–247. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7443

В художественных произведениях указание на времена года — особый код, «идеологический ключ» к пониманию замысла автора, зачастую связывающего с природным календарем важнейшие события, которые определяют эмоции, размышления и поступки персонажей. Выявление семантики времен года в творчестве художника и сопоставление ее с традиционным значением природного цикла, которое сложилось в отечественной литературе, позволяют сделать выводы о религиозно-философских воззрениях писателя и особенностях его художественного мышления.

В «Воскресении» подробно воссоздан календарный год жизни 29-летнего Нехлюдова и фрагментарно говорится о событиях, случившихся с главным героем и рядом персонажей в разное время года на протяжении 15 лет. В толстоведении почти нет работ, рассматривающих роль времен года в романе «Воскресение». Как правило, ученые анализируют отдельные природные образы, относящиеся к 1) описанию весны в городе в начале романа; 2) изображению лета, проведенного Нехлюдовым-студентом в имении тетушек; 3) воссозданию ранней зимы в финале произведения. Изображение всепобеждающей весны в первой главе романа «Воскресение» В. В. Ермилов назвал знаменем «социальной весны» [Ермилов: 495], а картину пробуждающейся природы — «пейзажем-судом над общественным строем» [Ермилов: 451]. В дальнейшем литературоведы отказались от подобного социологического подхода и начали соотносить весеннее пробуждение природы в «Воскресении» с преображением души главного героя. Т. С. Сотникова заметила, что 1) в романе Толстого идея воскресения человека сливается в сознании читателя с образом весны, которая приобретает символическое значение;

2) природа меняется в унисон размышлениям героя; 3) многочисленные изображения природы подчиняются утверждению морально-философских воззрений писателя и носят философско-публицистический характер [Сотникова: 58–64]. Согласно В. А. Ковалеву, в «Воскресении» пейзажные описания, основанные на параллелизме душевной жизни героев и жизни природы, становятся символично-психологическими и публицистическими [Ковалев, 1983: 78–82], а картина ненастной осенней ночи, выступая как параллельный образ душевному «ненастыю» Катюши, связывается не только с характеристикой внутреннего состояния женщины, которую предал любимый человек, но и с нравственным переворотом в душе Масловой, переставшей верить в добро [Ковалев, 1998: 23–24]. Пейзаж в «Воскресении» О. В. Барабаш характеризует как философский и психологический [Барабаш: 407], а С. Ю. Николаева — как символический [Николаева: 83]. При изображении природы, приходит к выводу С. Ю. Николаева, Толстой опирается на традиции изображения природы в творчестве Кирилла Туровского; в «Воскресении» метафоры-символы выполняют сюжетообразующую и композиционную роль; зачин с его развернутой метафорической картиной весеннего пробуждения природы, где смысловое ударение падает на слова, обозначающие нравственно-этические понятия, окрашен пасхальным настроением и передает учительный пафос автора, предваряя многие рифмующиеся ситуации романа [Николаева: 78–83].

О. В. Пичугина замечает, что в «Воскресении» цикл времен года вытянут в последовательность, где начальной точкой является весна, а конечной — осень; художественное время циклично; возобновление романских циклов происходит сначала через два года, затем — через десять лет; возрождение и засыпание природы соотносится с духовным пробуждением и остановкой внутренней жизни главного героя [Пичугина: 119]. По мнению О. В. Пичугиной, Толстой не верил в способность Нехлюдова к самопожертвованию, а потому в «Воскресении», утверждает исследовательница, нет времени спасения [Пичугина: 125]. Во многом аналогичные идеи развивает Данг Тхи Тху Хьонг, утверждая, что в финале романа

Толстого 1) снег покрывает землю, как саван; 2) зима выступает символом смерти; 3) в душе главного героя замедляется процесс воскресения; 4) будущее Нехлюдова, не преодолевшего эгоистичность, непредсказуемо; 5) название романа спорно и проблематично [Данг Тхи Тху Хыонг: 158]. Высказывания О. В. Пичугиной и Данг Тхи Тху Хыонг о несостоявшемся воскресении Нехлюдова и интерпретация зимы в романе «Воскресение» как небытия, чреватого стагнацией и регрессом духовной жизни героя, вызывают возражение: Толстой, неустанно призывавший всех строить Царство Божие на земле, не мог допустить, что Нехлюдов, осудивший свое прошлое и убедившийся в истинности Евангелия, откажется выполнять заповеди Господа. Последний абзац «Воскресения» является прелюдией к новой жизни героя, которая станет реализацией всех выстраданных мыслей Нехлюдова, нашедших подтверждение в Писании:

«С этой ночи началась для Нехлюдова совсем новая жизнь <...> потому, что всё, что случилось с ним с этих пор, получало для него совсем иное, чем прежде, значение. Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее»¹.

В ряде работ мы рассматривали черты христианского реализма² в «Воскресении», анализируя заглавие, систему персонажей, выбор антропонимов, композицию, библейскую нумерологию, евангельский текст, ольфакторный и цветовой коды и др. [Масолова, 2014: 110–130]; [Масолова, 2018]. В данной работе нами предпринята попытка при рассмотрении событий в жизни персонажей «Воскресения» выявить авторскую семантику времен года и, сопоставив ее с семантикой природного календаря в произведениях древнерусской литературы, сделать выводы о специфике художественной картины мира Толстого.

«Воскресение» открывается описанием начала весны в городе — притчеобразным прологом, метафорически утверждающим идею Толстого о том, что, несмотря на все уродующее влияние цивилизации, духовное воскресение людей неизбежно благодаря извечно возрождающемуся природному бытию и возрастанию в душах людей нравственного начала. Весна сулит обновление природе и людям; календарная

весна — ситуация-намеки, возвешение преображения души человека, который станет служить Богу.

В первой главе романа природа пробуждается к жизни, весна отвоевывает мертвое пространство города, но люди, вставшие на путь обмана и самообмана, продолжают мучить друг друга, игнорируют красоту Божьего мира, располагающую к согласию и любви. Бездуховное, отстраненное восприятие весны у всех: у тех, кто стремится властвовать друг над другом, в конторе губернской тюрьмы, у присяжных, ведущих никчемные разговоры с полужнакомыми заседателями практически ни о чем: «...о погоде, о ранней весне, о предстоящих делах» (32: 20).

В «Воскресении» время движется не линейно. Сначала Толстой изображает весну почти духовно мертвого 29-летнего Нехлюдова, который, перестав верить себе и начав верить другим, «почувствовал большое облегчение <...> и совершенно заглушил в себе тот голос, который требовал чего-то другого» (32: 49). Нехлюдову, вынужденному судить соблазненную им 10 лет назад женщину, стало мучительно стыдно; весенний воздух вызвал у героя «рой мыслей и воспоминаний о Катюше и об его поступке с ней» (32: 89), и Нехлюдов решил помогать Масловой преодолевать невзгоды, невольным виновником которых оказался он сам.

Далее рассказывается о том, как Нехлюдов в возрасте 21 года на Пасху соблазнил Катюшу. Когда герой ехал в Паново с неосознанным дурным намерением против Катюши, природа, пытавшаяся воспрепятствовать грядущему преступлению, преграждала Нехлюдову путь мартовской распутицей и проливным дождем. Весенняя ночь накануне и после грехопадения была сродни апокалиптической: все окуталось зловещим туманом, сквозь который пробивался свет ущербного месяца. Нежелание Нехлюдова помнить о совершенном преступлении во многом предопределило его последующую многолетнюю нравственную глухоту. Потом говорится о весне 19-летнего Нехлюдова, мечтавшего нести в жизнь добро, и вновь рисуется весна уже во многом изменившегося героя, прошедшего через осознание несправедливости государственной системы. Будучи еще не готовым к преображению, Нехлюдов захотел забыть свое прегрешение перед Катюшей, но проснувшаяся

совесть не позволила ему смалодушничать. Весной, перед поездкой в Сибирь, герой, решив отдать землю крестьянам, почувствовал запах зелени и земли, просившей дождя (32: 203); в Паново из заповедного сада — топоса гармонии и счастья — тянуло свежим весенним воздухом, запахами раскопанной проснувшейся земли (32: 207) и молодого березового листа (32: 224). Запахи возрождающейся жизни символизируют продолжение духовного преображения героя, вызывают у него воспоминания о весне ранней юности, и Нехлюдов еще более критично начинает относиться к себе:

«...он <...> почувствовал себя таким же, с той же свежестью, чистотой и исполненным самых великих возможностей будущим, и вместе с тем, как это бывает во сне, он знал, что этого уже нет, и ему стало ужасно грустно» (32: 208).

При изображении весенних периодов в жизни героя количество воспоминаний, связанных с лучшими порывами души Нехлюдова, возрастает, вызывая у него недовольство собой — обязательный стимул к духовному преображению — и обостренное желание обрести смысл жизни. Не желая осквернять сад, ставший свидетелем преступления против Катюши, герой на крыльчке дома ощутил красоту весенней ночи и почувствовал себя 14-летним мальчиком, обещавшим осчастливить всех людей. Воспоминания Нехлюдова о весне своего отрочества — обновляющее душу начало, предвещающее воскресение человека; намерение следовать по стезе добра все настойчивее входит в сознание героя, и он начинает острее воспринимать социальное неблагополучие, испытывая настоящую потребность вернуться к утраченной гармонии с миром.

В «Воскресении» воссозданы два лета в жизни Нехлюдова. Незабываемое прекрасное лето Нехлюдов-студент провел в Паново, работая над сочинением о том, что земля не может быть предметом частной собственности. Тогда герой, живя в полном единении с природой, видел в ней неиссякаемый источник гармонии и вдохновения; Божий мир представлялся честному самоотверженному юноше «тайной, которую он радостно и восторженно старался разгадывать» (32: 47). Природа «помогла» Нехлюдову сохранить высокий душевный настрой: она предстала одухотворенным космосом, подарила

лицезрение утреннего тумана, росу на траве и цветах, приобщила к диалогу с ранее жившими философами и поэтами. Лунными ночами Нехлюдов ощущал волнующую радость жизни; его переполняли мечты и мысли, не дававшие уснуть до рассвета. Растворенность героя в природе была залогом его душевной чистоты, возвышенного и целомудренного восприятия женщины и одухотворенных отношений с Катюшей.

При описании этапирования арестантов на каторгу у Толстого не встречается слово *лето*. Это было ужасное изнурительное время: осужденные задыхались от жары и умирали; пыль обволакивала всех и мешала дышать, ноги обжигались о мостовую, руки горели при соприкосновении с любыми предметами, — так все расплачивались и за свои грехи, и за жестокость властей, которые лишали людей свободы и считали возможным издеваться над заключенными. Когда на привалах происходили ужасающие сцены открытого разврата, физические мучения Нехлюдова сопрягались с нравственными. Испытав вину перед арестантами, герой понял несколько вещей: что власти делают все для искоренения добра; люди стали злыми, потому что служат в армии, Сенате, суде, тюрьме и в других социальных институтах; невозможно жить без жалости друг к другу. Осознание того, что взаимная любовь есть основной закон бытия, написанный Богом в сердцах людей, принесло Нехлюдову спасение от мучительного летнего зноя.

Оказавшись рядом с приговоренной к каторге Марьей Павловной Щетининой — одним из самых нравственных и целомудренных персонажей романа — Маслова была потрясена бескорыстной заботой этой девушки о других и ее уважительным отношением ко всем и отказалась от имени *Любка*, которым назвалась в публичном доме. Катюша вернулась к своему исконно чистому *я* и вновь стала соответствовать имени, данному ей при крещении³. Вторичное изменение имени героини не случайно: пройдя свой круг мытарств, Катюша вновь поверила в людей, и у нее началось преобразование души, начало которого — просветление, следование по пути добра, а конечная цель — духовное воскресение и жизнь по заповедям Евангелия. Духовная весна Нехлюдова совпала

с календарной весной, духовная весна Катюши — с календарным летом; такая «цепная реакция» преобразования героев — гарант поступательного развития человечества, встающего на путь служения Богу.

В романе Толстого дважды описана осень, при этом нет самого слова *осень*; вместо него — указание на ненастную погоду, какая бывает в это время года; 1 раз встречается однокоренное прилагательное: в первой части романа *осенней*, дождливой, ветреной ночью Катюша спешила на станцию, тщетно надеясь, что свидание с Нехлюдовым изменит ее жизнь. Природа хотела предотвратить эту бессмысленную встречу, поэтому Катюша заблудилась в черном лесу и оказалась на станции после второго звонка поезда. Увидев вагоны уходящего поезда, она зарыдала от отчаяния и решила отомстить всем за растоптанную любовь. Страшная осенняя ночь заставила Маслову страдать физически и нравственно:

«...ветер набросился на нее, срывая с головы ее платок и облепляя с одной стороны платьем ее ноги. Платок снесло с нее ветром, но она всё бежала» (32: 131).

Хмурое утро в начале третьей части романа также «наказывало» людей, нарушивших заповеди Бога: шел снег с дождем, порывисто дул холодный ветер.

В конце романа Нехлюдов внезапно заснул тяжелым, мертвым сном. Он почувствовал себя уставшим от безбожной жизни, в которой люди творили зло, и не знал, как изменить жестокую реальность. Герой безучастно пошел за английским путешественником-миссионером, который в остроге тщетно пытался наставить озлобленных арестантов на путь добра, раздавая всего по два экземпляра Евангелия в каждую тюремную камеру, хотя желающих приобщиться к Слову Божьему было намного больше. Сентябрьской ночью Нехлюдов, читая Евангелие, убеждается в незыблемости слова Божия и приходит к осознанию христианства, что знаменует воскресение души человека, канун новой жизни, которая будет созидаться по заповедям Евангелия. Привязка финала романа Толстого к началу сентября не случайна: на Руси с середины XIV в. до 1700 г. Новый год праздновался 1 сентября.

Сентябрьская ночь Нехлюдова в финале романа — своего рода «новогодняя» ночь, начало нового летоисчисления этого героя.

Автор-повествователь говорит о двух зимах в жизни Нехлюдова — о зиме его молодости и грядущей зиме. В конце первой части романа герой с ностальгией вспомнил поездку по заснеженному лесу:

«Вереница саней парами, гусем двигались без шума рысцей по узкой дороге лесами, иногда высокими, иногда низкими, с елками, сплошь задавленными сплошными лепешками снега. В темноте, блестя красным огнем, закуривал кто-нибудь хорошо пахнущую папиросу. Осип, обкладчик, перебежал от саней к саням по колено в снегу и прилаживался, рассказывая про лосей, которые теперь ходят по глубокому снегу и глодают осиновую кору, и про медведей, которые лежат теперь в своих дремучих берлогах, пыхтя в отдушину теплым дыханьем.

Нехлюдову вспомнилось всё это и больше всего счастливое чувство сознания своего здоровья, силы и беззаботности. Легкие, напруживая полущубок, дышат морозным воздухом, на лицо сыплется с задетых дугой веток снег, телу тепло, лицу свежо, и на душе ни забот, ни упреков, ни страхов, ни желаний. Как было хорошо! А теперь? Боже мой, как всё это было мучительно и трудно!...» (32: 169–170).

В зимнем лесу Нехлюдов испытал восторг и ощущение всепронизывающей благодати. Сопоставление той прекрасной счастливой зимы с безрадостным настоящим вызвало у героя боль, обостренное осознание своих грехов, тоску по утраченной гармонии и обусловило его нравственный рост. В финале романа белая пелена покрывает землю; природа застывает в безмолвном великолепии; зима с незапятнанным снегом готовит все живое к весеннему преображению, давая людям шанс опомниться и отказаться от былой грешной жизни.

Семантика времен года в романе «Воскресение» созвучна их интерпретации в древнерусской литературе. В поэтических воззрениях славян на природу весна часто представляла как дева, украшенная красотой и добротой, а лето — как богатый и красивый муж, как доброе и дружелюбное существо, окруженное ясностью и блеском солнечного света; осень выступала старой многодетной женой — то дряхлой и сетующей, то веселой, обильной плодами, тихой и безмятежной [Афанасьев:

676–677]. Идущее из средневекового искусства стремление к символическому толкованию явлений природы предопределило, по словам Д. С. Лихачева, появление двойного смысла при изображении явлений природы, а потому в древнерусской литературе весна выступает как время обновления человека, новый этап жизни, связанный с Воскресением и торжеством Христовой веры; лето воплощает вечную жизнь; осень символизирует последний Суд, время жатвы, которую соберет Христос во время второго пришествия, когда каждый пожнет то, что посеял [Лихачев: 162]. В «Воскресении» Толстого весна и лето отрочества и юности Нехлюдова обещают счастье человеку, мечтавшему нести в мир добро; в начале и в третьей части романа осенняя ночь воплощает отмщение людям за ожесточение сердец; в финале осень — «жатва», воскресение души героя накануне зимы.

В культурологической памяти человечества сложились две тенденции интерпретации зимы. В мифе о ежегодном трехмесячном пребывании Персефоны в царстве Аида зима выступает как «остановка» жизни, сон и гибель всего живого. Славяне сближали зиму с богиней Смерти [Афанасьев: 676–677], а потому воспринимали это время года как злое и жестоко-сердое начало, одетое в белый покров или саван, и трактовали язычество как тьму, зиму и лед [Адрианова-Перетц: 122; Ужанков: 19–88], противопоставляли весну — молодую девушку — и зиму — злую старуху. В Остромировом Евангелии зима имеет значение *стужа, холод*; у древнерусских книжников с зимой соединялась мысль о севере, порождающем суровые ветры [Афанасьев: 662]; в литературе Древней Руси зиму представляли как бедствие, безбожие и символ печали: Кирилл Туровский называет зиму греховной; для Григория Богослова зима подобна злой мачехе, «конечному убожеству и наготе»; в «Житии» Аввакума говорится, что в еретическую зиму зябнет сердце и дрожат ноги [Адрианова-Перетц: 43–44]. В межличностных и межгосударственных отношениях зима стала символизировать враждебную сдержанность [Багдасарян: 189]. В творчестве многих русских поэтов XIX в. зима связана с сугубо календарным временем года и предстает как «посмертное» состояние природы, аналог душевной смерти

[Эпштейн: 169–186; Гайворонская: 80–132]. При этом уже в древности у славян возникло неоднозначное отношение к зиме: они славили зиму, поскольку с зимнего солнцестояния начинается новый световой цикл; зима — время Рождества и Крещения. В «Воскресении» Толстой изображает зиму как сакральное благостное время года; в финале романа зима — очищающий, обновляющий период, преддверие великих перемен в жизни Нехлюдова и человечества.

У Толстого особая речевая стратегия называния времен года в «Воскресении»: разные части речи, обозначающие одно и то же время года, присутствуют в диаметрально противоположных контекстах. Так, существительные *весна* (5 ед.) и *лето* (7 ед.) появляются при изображении радостного восприятия весны:

«...всем животным и людям даны умиление и радость весны» (32: 4);

«Нехлюдов в это лето у тетушек переживал то восторженное состояние, когда в первый раз юноша не по чужим указаниям, а сам по себе познает всю красоту и важность жизни и всю значительность дела, предоставленного в ней человеку, видит возможность бесконечного совершенствования и своего и всего мира и отдается этому совершенствованию не только с надеждой, но и с полной уверенностью достижения всего того совершенства, которое он воображает себе» (32: 43).

При описании временного отступления весны Толстой употребляет наречие *весной* (2 ед.):

«После гроз и дождей наступили те холода, которые обыкновенно бывают весной» (32: 233).

Говоря о жизни метафизически мертвых людей, игнорирующих заповеди Евангелия, Толстой 8 раз использует наречие *летом*, причем это слово появляется исключительно в негативных контекстах: летом у женатого председателя суда был роман с жившей у них в доме швейцаркой-гувернанткой; Нехлюдову нечего было вспомнить из того, как он с матерью и сестрой жил летом в большом подмосковном имении; горничная Аграфена Петровна, радевшая за хозяйское добро, посоветовала Нехлюдову не менять свою жизнь до зимы, потому что

летом сложно продать квартиру; летом на станции толпились любопытные, заискивавшие перед богатыми пассажирами; летом Крыльцов рассказал Нехлюдову, как оказался среди революционеров, и его история стала очередным подтверждением заблуждений человека, пытавшегося насильем победить зло; летом при этапировании арестантов ощущение бедлама жизни достигло своего апогея. «Избирательность» Толстого в выборе частей речи при обозначении времен года обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что существительные *весна* и *лето* указывают на процессуальность и событийность духовного, вневременного, а наречия *весной* и *летом*, будучи маркерами эмпирического, появляются в романе «Воскресение», когда речь идет о забвении людьми Слова Божьего.

Толстой «избегает» слова с корнем -зим- и помещает их в негативный контекст. Во всех эпизодах романа «Воскресение», где встречаются лексемы *зима* (3 ед.) и *зимой* (3 ед.), говорится о событиях однообразных и / или плохих: *в прошлую зиму* Нехлюдову у Масленниковых стало невыносимо скучно; арестанты, просидев *всю зиму* взаперти без света, умирали от солнечного удара; *зимой*, на Рождество, управляющий награл много денег. При описании поездки Нехлюдова по зимнему лесу и в конце романа, когда духовно воскресший герой готов начать новую жизнь, вместо слов *зима* и *зимой* Толстой употребляет слово *снег* (19 ед.). Это происходит, возможно, потому, что в отечественной литературе у слова *снег* не было, в отличие от слова *зима*, столь ярко выраженного негативного значения; чтобы подчеркнуть неуклонное духовное возвышение своего героя, автор-повествователь не использует слова *зима*, которое могло вызвать у читателя негативные аллюзии.

Процесс внутреннего роста Нехлюдова сопровождают колоративы с корнем -зелен-, чья семантика совпадает с евангельской⁴. В конце первой части романа Толстой, рисуя победоносное шествие весны, «усиливает» зеленый цвет — в одном предложении встречаются глагол *зеленеть* и прилагательное *зеленый*:

«Везде, где не было мостовой, вдруг зазеленела трава; березы в садах осыпались зеленым пухом» (32: 140).

Во второй части романа, при описании лета, когда природа максимально насыщена зеленым цветом, символизирующим жизнь как таковую, Толстой прибегает к семантической избыточности, дважды употребляя в одном предложении колоративы с корнем *-зелен-*:

«Нехлюдов <...> любовался прекрасным днем, густыми темнеющими облаками, иногда закрывавшими солнце, и яровыми полями, в которых везде ходили мужики <...> перепахивая овес, и густо зеленевшими озимями, над которыми поднимались жаворонки, и лесами, покрытыми <...> свежей зеленью, и лугами» (32: 200).

При изображении духовного роста героя и его радостного принятия мироздания автор интенсифицирует цветовую палитру природного мира, «одобряющего» поведение Нехлюдова. Когда герой едет за Масловой в Сибирь, он из окна поезда видит преображающийся мир; природа радуется воскресающей душе человека, все цвета становятся максимально насыщенными, воплощая неистребимость жизни:

«...зеленое становилось зеленее, желтое — желтее, черное — чернее.

— Еще, еще! — говорил Нехлюдов, радуясь на оживающие под благодатным дождем поля, сады, огороды» (32: 350).

В конце романа, замирая накануне зимы, природа продолжает посылать людям надежду на обновление жизни:

«...среди облетевших <...> осин и берез густо и темно *зеленели* ели, сосны и пихты» (32: 420) (курсив мой. — Е. М.).

Глагол *зеленеть* со свойственной ему процессуальностью и вечнозеленые хвойные деревья «усиливают» заложенное в природе непрекращающееся жизнетворение; диалектика временно приостановленной и вечно возрождающейся жизни придает зеленому цвету бытийное значение, благотворно воздействуя на преображение героя, который, уверовав в возможность преодоления мучивших его вопросов, намерен строить Царство Божие на земле.

В «Воскресении» Л. Н. Толстого религиозно-нравственный смысл воссозданного природного календаря идентичен

семантике времен года в древнерусской литературе, что придает особую эпичность повествованию. Толстой развивает сложившееся в произведениях Древней Руси восприятие природного календаря как сакрального времяисчисления, связанного с духовным воскресением. Времена года являются маркерами не бытового, а бытийного времени с его онтологической семантикой: весна символизирует грядущее нравственное преображение человечества; запахи возрождающейся земли и цветовая палитра романа Толстого связаны с воскресением души героя; лето становится символом жизни; осень «усиливает» нравственные и религиозные искания героя, «убеждая» его в непреложной правоте Евангелия и в необходимости строить жизнь по заповедям Бога. Нехлюдов духовно воскресает и оказывается на пороге новой жизни, в преддверии ранней зимы, накануне Рождества и Крещения, за которыми последует Воскресение, связанное с чаяниями людей о жизни вечной. В финале романа зима — очищающий, обновляющий период, предтеча великих перемен, духовной весны человечества. Преображение Нехлюдова придает роману Толстого черты притчи о блудном сыне. Семантика воссозданных в «Воскресении» времен года позволяет трактовать этот роман Толстого как произведение христианского реализма.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 32. С. 445. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ² Христианский реализм — термин, который использует В. Н. Захаров, говоря о художественных произведениях Достоевского [Захаров: 16]. Многие произведения русской литературы XIX в., в том числе и роман Толстого «Воскресение», необходимо рассматривать в парадигме христианского реализма. Под *христианским реализмом* мы понимаем такое воссоздание художником социально-исторической действительности, когда под влиянием внешних факторов герой, оказавшись в жизненном тупике и страдая от бессмысленности происходящего, приходит к осознанию повсеместного присутствия Бога и начинает строить свою жизнь по законам Евангелия, превращаясь из профанного героя в сакрального, что обуславливает создание в произведении христианского дискурса, т. е. фикциональной реальности, отражающей философско-религиозные воззрения писателя и проявляющейся на уровнях 1) заглавия произведений; 2) эпиграфов; 3) сюжета;

4) темпоральной организации (воссоздание природного календаря и христианских праздников); 5) апелляции к евангельскому тексту (цитирование Писания, изображение процесса чтения и осмысления героем Слова Божия, использование библейской нумерологии, проведение сопоставлений с библейскими образами); 6) выбора антропонимов; 7) цветовой палитры и др.

³ Катерина — чистая (*греч.*).

⁴ В Евангелии зеленый, будучи цветом природы, гармонии, знаменует победу весны, рост Святого Духа в человеке, бессмертие, инициацию и добрые дела; этот цвет связан с гармонией и Троицей и выступает символом надежды [Базыма: 28], [Багдасарян: 183], [Жюльен: 455–457], [Керлот: 551–552].

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 188 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. — Т. 3. — М.: Издание К. Солдатенкова, 1869. — 842 с.
3. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия. — М.: Локид-Пресс, 2005. — 495 с.
4. Базыма Б. А. Психология цвета: Теория и практика. — Санкт-Петербург: Речь, 2005. — 203 с.
5. Барабаш О. В. Психологический анализ в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Актуальные проблемы науки и образования: Труды международного юбилейного симпозиума: в 2 т. — Пенза, 2003. — Т. 1. — С. 405–408.
6. Гайворонская Л. В. Семантика времен года в художественном мире А. С. Пушкина. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. — 196 с.
7. Данг Тхи Тху Хьонг. Природа и «пейзаж души» в романе Льва Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета. — Кострома, 2014. — Т. 20. — № 5. — С. 156–159.
8. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 5–20 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (10.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
9. Ермилов В. В. Толстой-романист. — М.: ГИХЛ, 1965. — 592 с.
10. Жюльен Н. Словарь символов. — Челябинск: Урал LTD, 1999. — 498 с.
11. Керлот Х. Э. Словарь символов. — М.: REEL-book, 1994. — 603 с.
12. Ковалев В. А. Поэтика Льва Толстого: Истоки. Традиции. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 176 с.

13. Ковалев В. А. Философско-публицистический пейзаж в прозе Льва Толстого: (К 160-летию со дня рождения писателя) // Вестник Московского университета. — Сер. 10. Журналистика. — М., 1998. — № 5. — С. 21–26.
14. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979. — 360 с.
15. Масолова Е. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: социальный, христианский и мифопоэтический дискурс. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. — 220 с.
16. Масолова Е. А. Христианский реализм художественной прозы позднего Толстого: народные рассказы и роман «Воскресение» // Культура и текст. — Барнаул, 2018. — № 1 (32). — С. 7–27 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2018-132> (10.01.2020).
17. Николаева С. Ю. О символике пейзажа в «Воскресении» Л. Н. Толстого // Вестник ТвГУ. — Серия: Филология. — Тверь, 2013. — Вып. 2. — С. 78–85.
18. Пичугина О. В. К вопросу о внутренней хронологии романа Л. Н. Толстого «Воскресение» // Л. Н. Толстой: художественная картина мира: сб. науч. ст. — Кемерово, 2011. — С. 110–126.
19. Сотникова Т. Н. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Вестник Московского гос. ун-та. — Серия Филология. — 1974. — № 3. — С. 55–70.
20. Ужанков А. Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII вв. // Древнерусская литература: изображение природы и человека. — М.: Наследие, 1995. — С. 19–88.
21. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высш. шк., 1990. — 303 с.

Elena A. Masolova

Novosibirsk State Technical University

(Novosibirsk, Russian Federation)

masolova@list.ru

Semantics of Seasons in the Novel *Resurrection* by Leo Tolstoy

Abstract. The article is devoted to the revealing of the seasons semantics in Tolstoy's novel *Resurrection*. Having examined the events happening to the characters of Tolstoy's novel during 15 years of their life we came to the conclusion that in the *Resurrection* the depicted seasons are associated with reconstruction of humanity's steady movement towards God. The description of spring at the beginning of the novel is a parable-like prologue that affirms the idea of mankind's future spiritual resurrection. In spring, 29 year-old Nekhlyudov decided to redeem himself in front of Maslova. When the main character recollected the spring of his youth, he realized social ill-being and

the need to find the lost harmony with the world thus, he abdicated from his right to the land ownership. Student Nekhlyudov saw in summer nature a source of inspiration; in summer, escorting prisoners to hard labor, the character understood the roots of social evil, and prisoner Maslova returned to her original pure self. The spiritual spring of Nekhlyudov takes place in a calendar spring, and his spiritual resurrection happened in autumn; Maslova's spiritual spring coincides with a calendar summer. The character comes to the adoption of Christianity in fall reading the Gospel. In the finale of the novel, early winter "rushes" the earth's renewal; Nekhlyudov's enlightenment is predetermined by changes in nature and by the indisputable rightness of God's Word which had been revealed to him. In the *Resurrection*, the seasons become the markers of being and gain the ontological significance. Spring symbolizes future moral enlightenment of the mankind; summer is a symbol of life; fall "strengthens" Nekhlyudov's religious searches, "convincing" him to build life according to God's covenants; winter is a cleansing preparatory period that precedes the spiritual resurrection of people. The epic character by Tolstoy emerges due to the correlation of natural calendar with the semantics of seasons developed in Old Russian literature. The novel *Resurrection* is an artistic work of Christian realism that continues the tradition of Old Russian literature.

Keywords: Leo Tolstoy, seasons, enlightenment, resurrection, existential time, ontological semantics, Old Russian literature, Christian Realism

About the author: Masolova Elena A. — PhD in Philology, Associate Professor, The Department of Philology, Novosibirsk State Technical University (pr. Karla Marksa 20, Novosibirsk, 630073, Russian Federation)

Received: January 27, 2020

Date of publication: October 30, 2020

For citation: Masolova E. A. Seasons in the Novel by Leo Tolstoy "Resurrection". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 229–247. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7443 (In Russ.)

References

1. Adrianova-Peretts V. P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevney Rusi [Essays of the Poetic Style of the Ancient Russia]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. 188 p. (In Russ.)
2. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov: v 3 tomakh [The Slavs' Poetic Views of Nature. Experience of the Comparative Study of Slavic Traditions and Tales in Connection with the Mythical Legends of Other Kindred Peoples: in 3 Vols]*. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1869, vol. 3. 842 p. (In Russ.)
3. Bagdasaryan V. E., Orlov I. B., Telitsyn V. L. *Simvoly, znaki, emblemy: entsiklopediya [Symbols, Signs, Emblems: Encyclopedia]*. Moscow, Lokid-Press Publ., 2005. 495 p. (In Russ.)
4. Bazyma B. A. *Psikhologiya tsveta: teoriya i praktika [Color Psychology: Theory and Practice]*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2005. 204 p. (In Russ.)

5. Barabash O. V. Psychological Analysis in the Novel by L. N. Tolstoy “Resurrection”. In: *Aktual’nye problemy nauki i obrazovaniya: trudy mezhdunarodnogo yubileynogo simpoziuma: v 2 tomakh* [Actual Problems of Science and Education: Proceedings of the International Anniversary Symposium: in 2 Vols]. Penza, 2003, vol. 1, pp. 405–408. (In Russ.)
6. Gayvoronskaya L. V. *Semantika vremen goda v khudozhestvennom mire A. S. Pushkina* [Semantics of Seasons in the Artistic World of A. S. Pushkin]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2011. 196 p. (In Russ.)
7. Dang Thi Thu Hyong. Nature and “Landscape of the Soul” in Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University], 2014, vol. 20, no. 5, pp. 156–159. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Statement of the Problem). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, 2001, vol. 6, pp. 5–20. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on January 10, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
9. Ermilov V. V. *Tolstoy-romanist* [Tolstoy the Novelist]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1965. 592 p. (In Russ.)
10. Zhyul’en N. N. *Slovar’ simvolov* [Dictionary of Symbols]. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 1999. 498 p. (In Russ.)
11. Kerlot Kh. E. *Slovar’ simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, REEL-book Publ., 1994. 603 p. (In Russ.)
12. Kovalev V. A. *Poetika L’va Tolstogo. Istoki. Traditsii* [Leo Tolstoy’s Poetics. Sources and Traditions]. Moscow, Moscow State University Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
13. Kovalev V. A. Philosophical-Journalistic Landscape in Leo Tolstoy’s Prose: (On the Occasion of the 160th Anniversary of the Writer). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 1998, no. 5, pp. 21–26. (In Russ.)
14. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russ.)
15. Masolova E. A. *Roman L. N. Tolstogo «Voskresenie»: sotsial’nyy, khristianskiy i mifopoeticheskiy diskurs* [L. N. Tolstoy’s Novel “Resurrection”: Social, Christian, and Mythopoetic Discourse]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2014. 220 p. (In Russ.)
16. Masolova E. A. Christian Realism in the Artistic Prose of Late Tolstoy: Short Stories and the Novel “Resurrection”. In: *Kul’tura i tekst* [Culture and Text], Barnaul, 2018, no. 1 (32), pp. 7–27. Available at: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2018-132> (accessed on January 10, 2020). (In Russ.)
17. Nikolaeva S. Yu. On the Symbolism of Landscape in Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of Tver’ State University. Series Philology], 2013, no. 2, pp. 78–85. (In Russ.)

18. Pichugina O. V. More on the Question of Internal Chronology in L. N. Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *L. N. Tolstoy: khudozhestvennaya kartina mira: sbornik nauchnykh statey* [L. N. Tolstoy: An Artistic Picture of the World: Collection of Scientific Articles]. Kemerovo, 2011, pp. 110–126. (In Russ.)
19. Sotnikova T. N. Man and Nature in the Novel by L. N. Tolstoy "Resurrection". In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series Philology], 1974, no. 3, pp. 55–70. (In Russ.)
20. Uzhankov A. N. *Evolyutsiya peyzazha v russkoy literature XI — pervoy treti XVIII vv. Kollektivnaya monografiya* [The Evolution of Landscape in Russian Literature of the 11th — First Third of the 18th Centuries]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 19–88. (In Russ.)
21. Epshteyn M. N. «Priroda, mir, taynik vselennoy...»: sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii ["Nature, World, Hiding Place of the Universe...": System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p. (In Russ.)